

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ 1982 ГОДА

● Государственный внутренний выигрышный заем 1982 года выпущен сроком на 20 лет — с 1 января 1982 года до 1 января 2002 года.

● Облигации займа свободно продаются и покупаются сберегательными кассами, доход по ним выплачивается в форме выигрышей.

● Облигации займа выпущены достоинством в 50 и 25 руб. Выигрыши установлены в размере 10 000, 5000, 2500, 1000, 500, 250 и 100 руб. на пятидесятирублевую облигацию, включая нарицательную стоимость облигации (по облигациям достоинством в 25 руб., являющимся половиной пятидесятирублевых облигаций, выплачивается половина выигрыша).

● Владелец выигрыша в 10 000 руб. имеет право на внеочередную покупку автомобиля «Волга» или легкового автомобиля аналогичного класса, а выигрыша в 5000 руб. — автомобиля другой марки классом ниже. Разница между стоимостью автомобиля и суммой выигрыша вносится владельцем выигравшей облигации.

● В течение двадцатилетнего срока займа проводится 160 тиражей выигрышей, по 8 тиражей ежегодно, в следующие сроки: 15 февраля, 30 марта, 15 мая, 30 июня, 15 августа, 30 сентября, 15 ноября и 30 декабря. Находящиеся у населения облигации Государственного 3-процентного внутреннего выигрышного займа 1966 года по-прежнему участвуют в тиражах выигрышей, которые будут проводиться в те же сроки до истечения действия займа (до 1 июля 1986 года) и свободно покупаются сберегательными кассами.

● После проведения 30 июня 1986 года последнего тиража по займу 1966 года владельцам облигаций предоставляется право до 1 июля 1987 года обменивать их в сберегательных кассах на облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года на льготных условиях, т. е. без уплаты курсовой разницы.

Российское республиканское
Главное управление Гострудсбернасс СССР

№ 46

1985

Надежда КОНДАКОВА

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРАВДА»

ПТИЦА НЕПЕРЕЛЕТНАЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 46

Надежда КОНДАКОВА

ПТИЦА НЕПЕРЕЛЕТНАЯ

стихи

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

Надежда КОНДАКОВА

Надежда Васильевна Кондакова принадлежит к поколению, которое заявило о себе в 70-е годы. Родилась и выросла она в Оренбурге. В 1973 году окончила Литературный институт имени А. М. Горького. В течение нескольких лет заведовала отделом поэзии журнала «Октябрь». С 1968 года стихи ее публикуются в центральной периодике — журналах «Молодая гвардия», «Юность», «Огонек», «Новый мир», «Наш современник», в «Дне поэзии», в «Литературной газете», «Литературной России» и др. В 1976 году Н. Кондакова была принята в члены Союза писателей СССР.

Н. Кондакова много ездит по стране, бывала за рубежом. Впечатления от этих поездок также находят отражение в ее стихах.

В последние годы вышли книги стихов: «День чудесный» (1975), «Дом в чистом поле» (1981), «Стрела» (1983).

Наряду с собственно поэтическим творчеством Н. Кондакова занимается переводческой деятельностью. В ее переводах русский читатель увидел стихи и поэмы балкарского поэта Кайсына Кулиева, украинского — Миколы Бажана, азербайджанского — Джабира Новруза, произведения ее поэтических сверстников, живущих в разных республиках, а также поэтов социалистических стран — Болгарии, Польши, Монголии.

* * *

Эти слова, что взошли на опаре,
Долго хранились, как клад вековой,
В ларе старинном, в холодном амбаре
Речи родной.

Эти слова собирал по крупнице
Дед мой, скупой, как Иван Калита,
Их подносили заморской царице
Медоточивые чьи-то уста.

Эти слова мне шептал еще Разин,
Что это были тогда за слова —
Помните вы! — у одной меня разве
Кругом от нежности шла голова?!

Эти слова выручали нас тайно
В злой недород или в рекрутский час.
Белая Русь и ржаная Украина
Их отголоски хранят и сейчас.

Русская речь, в твоём ситцевом поле
Все незабудки и все васильки
Века двадцатого плачут от боли.
Вытопчем поле — умрем от тоски.

Да сохранит нас, за все отвечая,
Речи родимой бескрайняя даль,
Слово — лиловый огонь иван-чая,
Из-за которого жизни не жаль!

В СТЕПИ

Грязно-бурый полынный ландшафт,
Птиц осенних кочевья...
Лишь татарник сухой виноват
В этой тяге дочерней.

В том, что даже в больших городах
Слышу топот коней одичалых
Да по ветру развеянный прах.
И — начало, начало...

Ведь, привязана сзади седла,
Разметавшая косы,
Я, наверное, выжить смогла,
Чтоб ответить на эти вопросы.

...Пограничный славянский рубеж,
Половецкое поле.
И татарник до ярости свеж
У меня на подболе.

* * *

Принеси мне грозу и мучительный зной,
Расколи надо мной небеса вполовину —
Все равно восхищенье дорогой земной
Я оставила сыну, —

Эту крёстную речь, это круглое «о»,
Это мягкое «г» праукраинских пашен, —
Колдовство, говоришь? Ну пускай, колдовство —
С ним и ворон не страшен!

Он напрасно плывет, как растрепанный крест,
И напрасно кружит над родною равниной,
Все равно эту русскую кровь, этот жест
Я оставила сыну.

Лягу в рыжую глину, уйду, как вода,
Перейду навсегда в исчисления света,
Но душа моя будет спокойна, когда
Я почувствую это.

И пускай в этот миг все рябины земли,
Все плакучие ивы, все рощи рябые
Обо мне затоскуют, заплачут ручьи,
Потемнеют Урала глаза голубые.

Я жила на земле, и дышала землей,
И к земле прислоняла усталую спину.
Путь в репьях, в молочаях, в пылице золотой,
Ковш Медведицы с черной, тревожной водой
Я оставила сыну.

* * *

Словно медом тяжелые соты,
До краев наполняется день
Зверобоем, сурепкой, осотом
С черной шапкой шмеля набекрень.

Но, прописанный в этих пределах,
Что ты, в сущности, знаешь о том,
Почему все капустницы — в белом,
А пчела, как всегда, — в золотом.

Почему и у слов есть такая
Потайная, холодная ложь:
Поглядишь на пыльцу — золотая,
А внутри — червоточина сплошь...

ДОРОГА НА РОДИНУ

Вот по этой дороге,
По этой разбитой дороге,
Вот по этой земле,
По гудящей, как пчельня,
Земле,
Я иду, волоча
Стяжелевшие под вечер ноги,
И стихи, как ребенка,
Стыдливо несу в подоле.
...Как в глаза посмотрю
Своей матери — вечной Марии?
Что отвечу отцу?
Чем утешу родную семью? —
Правду ль я говорю,
И слова у меня ли живые,
И не слишком ли медом
Замазало память мою?!
Тетя Дуся и Ксения, и Лиза, и тетя Полина,
В гастрономах, трамваях,
На пыльных вокзальных скамьях
Вижу ваши глаза — перед ними всечасно повинна,
Вижу руки — и снова в долгах, как в шелках и репьях.
Знаю, время безжалостно,
Много добрее пространство
В наших речках-речушках, оврагах, деревьях, кустах.
Знаю, время — тиран,
Но полезно такое тиранство,
Чтобы стыд сохранялся и мучил беспамятства страх!

* * *

«Далеко пойдет!» —
Опустив глаза,
Пожилой поэт
Про меня сказал.

Он, пожалуй, прав:
За моей спиной
Даль в сиянье трав
В целый век длиной.
А еще вдали
И дорог не счесть,
И клочок земли
За той далью есть —
Под крылом огня,
Где горюет мать,
Где лежит родня,
Где и мне лежать.

Даль в сиянье трав,
До тоски в цвету...
И поэт тот прав —
Далеко пойду!

* * *

*Мой родной город Оренбург стоит
на границе Европы и Азии...*

Переходя из Азии в Европу,
Я мыслю так: есть у моей страны
И старины любимой страшный опыт
И роковое чувство новизны.
Круша, давя, как виноград в давяльне,
Характер современников моих,
Век выжил сам и темной влагой вылил
В сосуд времен пьянящий русский стих.
И ты, уже отведавший однажды
Восточной дали с привкусом тоски,
Скорей умрешь от горечи и жажды,
Скорей лишишься пишущей руки,
Чем их предашь — соседку в телогрейке,
И мальчика казахского в слезах,
И старого узбека в тюбетейке,
И мужика в кирзовых сапогах.

Скорей умрешь от нежности дочерней
К родному веку, чем в вечерней мгле
Отринешь смысл старинного кочевья —
Вещественного счастья на земле.

ПТИЦА НЕПЕРЕЛЕТНАЯ

Над степью верблюжьей, коричнево-ржавой,
Осенних кочевий пернатая рать.
Вот так начиналось понятие державы —
На юг улетать или здесь умирать.
Холодные, неосторожные ветры,
Сухой солончак и бессмертник худой.
Вот так начинались мои километры
По родине вброд за живую водой.
В степи аксакал, словно беркут, нахохлясь,
Отару овец стережет, и века
Над ним проплывают, и шумно проходят
Широкие грозы и облака.
Отцовская даль. Без конца и без края —
Сухая земля и горячая соль.
Я время навыврост себе выбираю,
Сначала его проверяя на боль.
Ведь нежностью к жесткому веку измучась,
Понять я сумела в родной стороне:
Поэт не призванье, а горькая участь
Быть с временем, данным ему, наравне.
И все, что поет, и смеется, и плачет,
И все, что летит, и скользит, и плывет,
И все, что лица от природы не прячет,
Поэт в своем голосе вдруг узнает.
Свинцовая даль. Небеса опустели.
А степи осенних кочевий полны.
И снятся поэту в земной колыбели
Холодные, неосторожные сны.

* * *

Чадаев, помнишь ли бывшее...

А. С. Пушкин

Летя вдоль Мойки, пели сани,
И падал снег, легко скользя.
— Любить с закрытыми глазами
Свое отечество нельзя!

Он возразил поэту молча,
Когда в тоске, как во хмелю,
Тот вышел в ночь и, слившись с ночью,
Сказал: — Нельзя...

Но я люблю.

ГОД РОЖДЕНИЯ ПОСЛЕВОЕННЫЙ

1.

Вся родня повыбита.
Вся душа повынута.
Эта чаша выпита,
Залпом опрокинута.

Вот и отневестилась —
Спит жених под Лидицей.
Ни письма, ни весточки —
Даже не привидится.

Платье крепдешиновое
Шито-недошито.
У молодой души моей
Ищешь ты защиты.

Всю печаль отвергну я,
Все чужие лица.
Потому, наверное,
Я должна родиться.

2.

Я должна родиться на земле.
День январский. Оренбург. Дорога.
Кажется, теряется во мгле
Под скупым присмотром Козерога.
Месят снег худые сапоги,
Колесо буксует то и дело.
Век двадцатый, ты хоть помоги,
Отдели тоску мою от тела.
Видишь, плачет девочка во мгле —
Мать, Мария, бедная, худая...
Я должна родиться на земле,
Яростная ветка молодая.

3.

Если прижаться в июле к земле,
Чувствуя телом репей и ромашку,
Белоголовую горькую кашку, —
Вспомнишь, наверно, про хлеб на столе.
Вспомнишь про мать. Молода и смугла,
Глину месила и ведра носила,
Ей помогала нечистая сила? —
Как же иначе она бы смогла
Выдержать засуху, мор, недород,
Карточки, голод, войну, похоронки,
Хату родителей с краю, в сторонке,
Камни, летящие в их огород...

4.

Так вот я за что отвечаю
На этом высоком ветру:
За хату, стоявшую с краю,
За смерть, что красна на миру,
У нищей карельской березки,
Вдали от уральских раkit,
За землю, в которой сиротски —
Без имени — дед мой лежит.
И вечность стоит за плечами,
И годы — бессменный конвой.
Так вот я за что отвечаю
На свете своей головой.

5.

Хромки, кожанки, ушанки,
Крепдешины, маркизеты.
Инвалиды, попрошайки,
Неприступные портреты.
На стене — отцовский китель.
Черный громкоговоритель.
В детской памяти, как зуммер,
Страшный крик, что кто-то умер.
Слезы мамы. Сердце сжалось.
Дальше — выключили свет...

Вот и все, что мне осталось
От пятидесятих лет.

6.

Я знаю, что это взаимно:
И поле, и сумрачный лес,
И дед мой, что в ватнике зимнем
В годах довоенных исчез.
И бабушка, что голосила,
Когда похоронки пошли,
Как будто нечистая сила
Мела их из глуби земли.
Я знаю, что слезы не спрячешь,
Без соли они солонь,
Когда от взаимности плачешь,
Уткнувшись в колени страны.

СУДЬБА

Бабушка еще жила
В девятнадцатом столетье,
Мало видела тепла,
Много плакала на свете.

Двух сынов взяла война,
Мужа бездна поглотила.
Но какая тишина
У нее в глазах гостила!

И казалось — тонкий лед
Между ней и миром тает,
Когда в небе самолет
Или ангел пролетает.

* * *

Эту женщину мамой зовут.
Эта женщина тихо стареет
И меня все сильнее жалеет,
И года все быстрее идут.

Печь затопит она ввечеру,
Моего убаюкает сына
В зауральной холодной России
И подолгу стоит на ветру.

А ветра пролетают над ней
И кружатся в своей круговерти,
Человеческой жизни длинней
И длинней человеческой смерти.

И когда я кричу в пустоту
Одинокого черного неба:
— Сохрани только женщину ту,
Что угодно за это потребуй! —

Голос рвется, летит наугад,
Обрывается где-то в грядущем,
Словно в небо великое взят
Да внезапно на землю отпущен.

ДОМ

Вот и продан родительский дом.
Значит, некуда больше вернуться.
Значит, мне за Уральским хребтом
Только степи мои остаются.
Значит, все, как и было во сне:
Я — волчонок, а степи морозны,
И безжалостно сердце во мне,
Небеса надо мною беззвездны?
Я вернусь все равно...

У реки,
Словно волки, степные бураны
Будут душу лечить от тоски
И живые зализывать раны.
И почти неживая в ответ
Будет нежность моя просыпаться.
Дом мой — белый безжалостный свет
Будет вечно в степи красоваться.

МЕТАФОРЫ ЗИМЫ

На родине холодно, снежно, вьюжно,
Но высоко небеса чисты.
Зима, как мятежница, неравнодушна.
Сама страшится своей высоты.

Зима, как нашествие, тьмы кромешней,
Неисчислимой идет ордой.

И кто-то смотрит нам в душу нежно,
И кто-то с неба грозит бедой.

На родине легких дорог не бывает.
Зима, как блокада зимой, пуста.
И каждый вольно пути выбирает:
К кресту своему или — от креста.

* * *

Уйду дорогой той, какой уходят
Любимые от любящих... Какой
Не звезды в черном небе верховодят,
А бесы в чистом поле за рекой.
Прости-прощай, я верною едва ли
Тебе была; неверной не была.
Твои обиды и мои печали —
Поэзии надежные крыла.
Они взмахнут — и кто со мной сравнится?
Какой нечистой силе по уму
Так сделать, чтобы я могла разбиться,
Безвестно кануть с родины во тьму?!

ОГОНЬ

I

Мир возник, лишь я стекло протерла
И сняла холодные очки,—
Роем звезд потек шершаво в горло,
Хлынул светом в узкие зрачки.
На виду черемухи вчерашней,
Ядовито выкинувшей цвет,
Мир возник безумный и бесстрашный
В неживой коллекции планет.
Пахло садом и тяжелым зноем,
Мороком распавшегося дня,
И хотелось сохранить родное,
Уберечь живое от огня.
Но огонь, отчаян и неистов,
Как на лапах выгнувшийся зверь,
Угрожал кусту калины мгlistой
По дороге в Муром или Тверь.

Шел огонь безудержно сквозь сети,
Не пугаясь полноводных рек.
И была калина перед этим
Беззащитна, словно человек.
И вдали черемуха взлетала,
Под огнем осыпавшись на треть.
И чем громче эхо хохотало,
Тем сильнее хотелось жить и петь!

II

Что мне слезы ничьи — мировые,
Что мне ропот души мировой?!
Мать с отцом, слава богу, живые,
Муж еще, слава богу, живой.
Спит мой сын. На его одеяле
Дремлют самые сладкие сны.
...Говорят, так же мальчики спали
Лет за пять или шесть до войны...

III

Я ль не была счастливой
Да на твоей груди?!
Доченькой говорливой,
Господи, награди.

Нет на земле единства,
Войнам потерян счет.
Если не материнство,
Что же еще спасет?

* * *

Век кончается страшно и странно,
Бредит язвою, мором, войной,
И столетия, как богдыханы,
За Великой Китайской стеной
Собираются в тьму. Но широко
По равнине великой легла
Европейская наша дорога,
Азиатская синяя мгла.

От Архангельска и до Памира
Мы в ответе за каждую пядь,
И под крыльями Голубя мира
Ни войны, ни беды не видать.
Но кончается странно и страшно
Век любимый, безумный, родной.
Дышит мирно весенняя пашня.
Дышит бездна у нас за спиной.

* * *

Это шмоткам поклоненье —
Образумь и вразуми! —
Как же эдак — поколение
Проглядели, черт возьми,

За красивыми словами,
Справедливыми стократ,
Поколение прозевали —
Кто же в этом виноват?

Ты, войны великой отпрыск,
Голод, холод и нужда —
Как же дал ты сыну отпуск,
Вечный отпуск от труда,

И ждивенческое зренье
И приспособленья слух,
И умение жить на пени
От родительских заслуг?

Ты, работавший ночами,
Спица в общем колесе,
Что ж тоскливо жмешь плечами,
Отвечаешь, как и все,

Как и все твои собратья:
«Были б счастливы они,
Наши дети...» В чем же счастье?
Счастье в тряпках, черт возьми?!

В дармовых рублях и дачах,
В хрусталях и «Жигулях»?
...А в глазах тоска собачья,
Неуверенность и страх.

Что как выпадет на долю
Роковое воронье —
Кто же ляжет в чистом поле
За отечество свое?

Кто же, кто? — страшит незнание,
Но еще страшней стократ —
Знать, что только испытанья
Поколение гранят.

* * *

Как я завидую своим
Коллегам, даже знаменитым,
Которым стыд неведом. Им
Легко парить над этим бытом.
Над привокзальной суетой
И над заплеванным буфетом,
Над стыдной очередью той,
Перед которой стыд неведом.

А я, как проклятая дочь,
Как деревенская невестка,
Стыжусь, что не могу помочь,
То нищеты стыжусь, то блеска.
Стыжусь, когда мужчина мой
Глаза опустит виновато,
То запинаясь, как немой,
То говоря витиевато.

Стыжусь, когда в лицо мне врут,
Но горше всех тот стыд проклятый,
Когда о родине орут,
А под себя гребут лопатой.
О, тот самодовольный вид —
Мол, хватит всем — страна большая...
...Мне жить мешает этот стыд.
Ну что ты смотришь? Да, мешает!

* * *

Тот просит ордена, та, родиной
Клянясь, считает барыши...
Ах, эта черная смородина,
Ах, эта красная смородина, —
Ах, эта часть моей души!

Души — и слово-то немодное,
И ягода — кислым-кисла,
А вот поди ж, не инородною
Тоскою в плоть мою вошла.

Вошла — и вот виднее видного,
Яснее ясного видать:
Нет в жизни более постыдного,
Чем этой болью торговать.

Как будто сотней пчел ужалена,
Бегу торговых, шумных мест.
Ах, эта красная окалина,
Ах, эта черная окалина —
Заученный, холодный жест.

И лучше умереть непризнанно,
Подохнуть, со стыда сгореть,
Чем так фальшиво, так безжизненно,
Так не по-русски жить и петь...

МОВА

Что мне чудится в этой ласкающей мове?
Лишь закрою глаза —
Слышу слово в праслове,
Праслово — в пра-слове,
Вижу шлях, над которым
Проходит гроза.
Синева высока, далека и бескрайна,
В ней тяжелые тучи ползут, как возы.
Что мне чудится в этом тревожном — Украина —
В этом вышитом слове?
Какие азы
У славянских корней, где раздельность и общность
Сведены, как в крови кровяные тельца?
Что мне чудится?
Мальвы высокие ропщут,
Степь проносит цветы, как рушник,
У лица.
Ах, как узок заржавленный серп новолунья,
Как рука тяжела!
Украина, Украина, колдуй мне, колдунья,
От беспамятства рода, от сглаза, от зла.

Я в твоё чернокнижье прапамятью верю —
Перед Вием и веком двадцатым — в кругу.
Словно Красною Книгой спасённого зверя,
Ностальгию по слову в себе берегу.

СТРЕЛА

Ларисе Васильевой

1

Дрожит стрела, в конце которой
Неведомый таится яд.
Прошедший век — её опора,
А век XX — циферблат.

Над ней магнит вселенской бездны.
Он и пугает и манит.
И полагаться на магнит,
И верить в чудо бесполезно.

Малы отпущенные сроки
Для муравья и для орла.
Стрела, не будь такой жестокой,
Не будь медлительной, стрела!

2

На перроне двадцатого века,
Где вагон от состава отстал,
Вижу — юноша вышел из снега,
Появился и снова пропал.

И когда он из глаз уже скрылся,
Сразу замер в движенье вокзал,
Вижу — старец вдали появился,
Появился и снова пропал.

Так и ищут друг друга поныне,
Не окликнут друг друга сквозь снег
Тот старик, с волосами как иней,
И совсем молодой человек...

3

Когда в полуночном метро
Слежу за стрелкой часовой,
То время кажется мертво,
Хотя оно бежит, живое!

Жизнь на мгновение замерла,
Но вот уже летят вагоны,
Как будто пущена стрела
От перегона к перегону.

Как будто, обгоняя звук
Живого, атомного века,
Летит стрела из сильных лук
Шумера или печенега.

4

Выхожу на сияющий луг,
Ослепляет меня полнолуние.
То ли юность уходит из рук,
То ль зеленые ночи июня,
Как глаза у тебя зелены!
Наша ночь коротка — до рассвета!
Но покойные думы и сны
Мне уже говорят не об этом.
В мокрой сини уснувших цветов
Молодого полночного луга
День грядущий летит из оков,
Как стрела из упругого лука!

5

Это ты ли, охотник бесстрашный
С оперенною синей стрелой?!
Что здесь ищешь ты — день ли вчерашний?
Отшумевший ли праздник былой?

Ухожу. Только чую: в смятенье
Ум, и ноги мои тяжелы,
Если слышу знакомое пенье
Оперенной упругой стрелы.

Читатель, не гадай, не мешкай,
 Ступая позднею порой
 Туда, где блюдце сыроежки
 Наполнено водой с ы р о й.

Пусть век, расчетливый и точный,
 Стоит, как сторож на углу,
 Иди искать во тьме оброчной
 Иван-царевича стрелу.

Как дышит сыростью болото,
 Как тает выцветшая мгла!
 Как страшно знать, что знает кто-то,
 Зачем ко мне летит стрела...

* * *

Когда известные поэты
 Живут как будто на плацу,
 С кем спят, с кем пьют — все знают это,
 Всё понимают по лицу:
 За что поэту дегтя ложка,
 За что широкие меды,
 За что на постамент дорожка
 Или опальные следы.
 Они считают дни в загуле,
 Чужие деньги и года.
 И лишь за что петля и пуля
 Не понимают никогда.

* * *

На сердце — тяжесть и бессилье:
 Ни спать, ни думать, ни читать...
 Какой размах, какие крылья
 Нужны, чтоб сердце оторвать,
 Чтобы поднять его над бездной,
 От пыли солнца золотой,
 Чтобы унижить бесполезной,
 Почти тлетворной красотой!
 Земное жалкое величье —
 Подачка, пряник задарма...
 О жизнь, в тебе есть что-то птичье,
 Особенно когда зима.

И пахнут снегом молодым глаза
У князя Дмитрия Донского.
И катится века подряд слеза
Вдоль поля Куликова.

Любимый мой, скажи, который век,
Который век разлука наша длится?!
Мне на ладонь тяжелый русский снег,
Как подаянье нищенке, ложится...

Трех слов — и даже тыщи слов! — не хватит,
Чтоб рассказать, как губы горячи,
Как, падая, к ногам ложится платье
В беззвездной и бесформенной ночи!

А время в плоть безжалостно одето,
А плоть цветущей яблони горька...
И два тысячелетья до рассвета
Щеки едва касается щека.

Любимый мой! Как все слова нелепы!
Но почему твержу я вновь и вновь:
«Глухие — глу́хи, и слепые — слéпы
До той поры, пока придет любовь».

Я и сама не ведала, не знала,
Жила, как все, в толпе забот мечась,—
Она меня из прошлого достала,
Она ждала и выждала свой час.

И вот теперь — ни дня, ни темной ночи,
Ни памяти о ней, ни забытья...
И в том лишь утешенье, что короче
Любви моей — на свете — жизнь моя!

ВСТРЕЧА

Поезд вздрогнул перед остановкой,
И секунды сразу поползли...
Встретились застенчиво, неловко,
Даже слова не произнесли.

Помнится, как ехали в машине,
И казался бесконечным путь,
И сирени — грузные, большие —
Ей склонились бережно на грудь.

Как они расстанутся — не знаю,
Но навек запомнит этот день
Белая, почти что голубая,
Вся почти счастливая сирень...

* * *

Севастополь. Сирени. Закатом
День кончается. Дышит весна.
И зеленые камни покаты,
И вода между них зелена.

Мы пройдем по тяжелым ступеням,
Где зарю зажигает заря,
И, наверно, увидеть успеем,
Как ржавеют в тени якоря.

Как сирени недвижно лиловые,
Как неслышимо птицы тихи,
Если вздох превращается в слово
И слова превращает в стихи.

Кораблям уходящим помашем —
Им скитаться еще по морям.
Ну а мы — только памятник нашим
Затонувшим давно кораблям.

* * *

Все пройдет. И снова повторится.
И не повторится никогда.
Розовая пена тамариска
И морская темная вода.

И большой кильватерной колонны
Навсегда исчезнет силуэт.
И один останется — наклонный,
Этих дней неповторимый свет.

Резкий свет. И будет он все ближе,
Пока я с сознанием вины
Жизнь свою и в ней тебя увижу —
Как в бинокль — с обратной стороны.

ВЕСНА В КРЫМУ

День фиолетов, розов, нежно-бел,
И запах увядающей сирени
Над городом плывет, над кораблями
В заливе узком, над широким небом
С кудрявыми смешными облаками,
Над карликом, сидящим на скамейке,
И пышной дамой в шляпе стиля «ретро».
Окно мое выходит на дорогу,
Ведущую туда, где небо с морем
Встречаются и страстно, ненасытно
Друг друга обнимают синевой.
И вид в окне — огромная картина
Старинного тяжелого письма,
Где выписана каждая травинка
И каждая на крыше черепичка
Средь зелени разбросанных домов.
А впрочем, все обычно: южный город,
И южнорусский выговор без звонких
Согласных, и чуть слышный запах йода
Смешался с духом тлеющей сирени.
Мне помнится, что был такой же воздух
В начале века... В городе над морем
В день бело-фиолетовый и душный
В заливе узком спали корабли.
И карлик так же был закрыт газетой,
И дама в белой шляпке с ридикюлем
Рассеянно глядела в книгу, видя
Не то, что там написано, а то, что
Вчера шептал ей рыжий лейтенант.
И шпиль морского клуба так же в небо
Впивался жадно, золотом пронзая
Тоскующую плоть и синеву.
Вокруг цвели иудины деревья
И до сих пор цветут, и нет начала,
И нет конца... И только странный карлик
Загадочно смеется, глядя в небо
Эпохи НТР, как будто тайна
Небес и звезд доверена ему.

У ног его гуляет голубь мира —
Усталая огрузнувшая птица.

* * *

Браки свершаются на небесах...

Ты муж на небесах мне...
Что — земное?!
Оно пройдет, растаяв, без следа,
Так испокон веков в пыли и зное
Бесследно исчезали города.
Все станет глиной — штампы и бумаги,
Завистливые злые языки,
Истлеют даже розы... Но во прахе
Потомок мой увидит тень руки,
Дарившей их, — твоей руки, любимый!
И, может быть, беседа со мной,
Он вдруг поймет, что жизнь проходит мимо,
Сквозь бездну лет увидит лето Крыма
И повторит мой страшный путь земной...

ОБМОЛВКА

Как ножом по сердцу — имя чужое,
Имя родное тебе, твое...
Скрываю боль и, наверное, скрою,
Нож ли, ложь ли — все равно остриё.
Маленькая, большая ли — все равно рана,
Крупная, мелкая — все равно соль...
Хоть пешком от Крыма до Казахстана,
Все равно боль — это только боль.
Слово, холодное, как в проруби льдышка,
Горячее, как в ладони вспышка,
Сильное,
Словно небытие,
Имя родное тебе —
Ее...

РЕВНОСТЬ

Я тебя ревную в тоске черной
к дочерней слезе
и черному дню.

Ревную к строке своей непокорной,
которую к ногам твоим
уроню.
С тобою в каждой минуте вместе,
в каждой кровинке твоей жива,
я знаю, что боль — это форма мести
той жизни,
где без тебя жила.
Я тебя ревную к репью с крапивой,
к камням,
что помнят шестнадцатый век.
Я эту любовь на земле копила,
как золото — жадный и злой человек.
И то,
что другие зовут грязью,
выпалывают, как сорную траву,
я называю бесстрашно — связью,
связывающей поле и синеву.
И проходя по белому свету
дорогою грешною и земной,
я тебя ревную
даже к ревности этой
и не ревную к женщине
ни к одной.

ГОЛОС СИЛЬНЫЙ

Когда уйдем с земли и ты и я,
Пускай узнают наши сыновья,
Что из-за них
С тобой мы были врозь,
Пусть в их дома придет
Небесный гость,
Расскажет все,
Покажет раны дней,
Что после смерти
Нам еще больней.
Пусть женщину,
Счастливую на вид,
Пришелец этот
Тоже удивит.
Он жизнь ее просветит,
Как рентген,
Где плен — свобода,
А свобода — плен.
Он в жизни все перевернет вверх дном,
Когда и ты и я с земли уйдем.

* * *

Две раковины, два рапана
Лежат на письменном столе,
Какие сны, какие страны
Им ныне снятся на земле?
Их век — не цифра и не дата,
Их смерть не скрыла белизной,
Ведь был один из них когда-то
Тобою, а другая — мной.
Томились, мучились... Без вести
В разлуке жили на земле...
И вот лежат друг с другом вместе
На старом письменном столе.

* * *

Не знаю смертельной раны,
Чем думать, что я и ты
По обе стороны станем
Последней земной черты.
Жить врозь? Так уж выпал жребий.
Но врозь умирать? О нет!
Услышьте меня, кто в небе
Ночной зажигает свет,
Услышьте меня, кто слышит,
Кто может понять слова!
...Вселенная в ухо дышит
Неслышно, едва-едва.

ЗЕРКАЛО

Женщине быть на земле не годится
Черной разлучницей, горькою птицей,
Так и не свившей родного гнезда...
Лгут зеркала, что еще молода,
Если притихшему сердцу понятно:
Счастье — всего лишь родимые пятна,
И не подвластно оно потому
Хитрому сердцу и злому уму.
Время — безжалостный, трезвый анатом —
В женское сердце без страха глядит.

Темная нитка старинных гранатов
Смуглую шею до слез холодит.

ГОЛОС ВИНОВАТЫИ

«Я перед нею виновата,—
Скажу, откинув прядь со лба,—
Но то, что я украла — свято!»
Не скуки плод, не плод разврата,
А только счастье и судьба!
Я перед ней в долгу. Но в снежной,
Во тьме кромешной не солгу.
Все это было неизбежно
На том, далеком берегу.
На том немыслимом причале,
Где даже через столько лет
Нам друг без друга — ни печали,
Ни радости на свете нет.
Как холодно на белом свете —
В двух городах, где в двух домах
Во сне смеются в полночь дети
И плачут женщины впотьмах.
...Я вытру слезы. И, бледнея,
Оставшуюся жизнь свою —
За наше счастье! — перед нею
Всю на коленях простую...

* * *

Если разлюбишь меня — скажи.
Горькая правда сильнее лжи,—
Издавна так говорит народ:
«Ложка сухая рот дерет»,—
Сухо во рту от глухой тоски
На расстояние одной руки,
Как в аду — на расстояние огня,
В котором тебе гореть без меня.
Если разлюбишь — не говори,
Я пойму по платку зари,
По его почерневшей кайме
Пойму, что не вернешься ко мне.
Черным узлом завяжу концы,
Слезы — доносчики, а не гонцы,
Я не пошлю их в далекий путь,
А заточу их в темницу-грудь,
В сердце сошлю, где черным-черно,
Пусть разорвется от слез оно!
Страшно сказать...
Но страшнее тьма,
Если тебя разлюблю сама.

Из цикла «СТАРЫЕ СКАЗКИ»

I

Я знаю, скажут обо мне:
Лукавая жена.
Но кто бы знал, что лишь во сне
Тебе я неверна.
Что лишь во сне есть дом и сад —
Будь проклят этот сон! — .
Уже пятнадцать лет подряд
И тысячу времен.
А тот один, кто виноват, —
Один, один, один. —
Уже пятнадцать лет подряд
Здоров и невредим.
Читает книги, пьет вино,
Не верит даже в Ад,
Но по ночам идет за мной
Пятнадцать лет подряд.
Не важно где, не важно как, —
Я чую трепет рук,
Я вижу тень, я слышу шаг —
И просыпаюсь вдруг...
Будь проклят день и проклят час —
Кощея злая мгла,
Когда соединила нас
Смертельная игла:
Игла — в яйце,
Яйцо — в утице,
Ну а я в венце —
На распутье.

II

Как русским росписям при свете
Дано не блекнуть, не стареть,
Так мне дано — хоть раз в столетье
В глазах любимого гореть.

Не весь же век в сених холодных,
Где квас хранится в погребах,
Мечтать о зельях приворотных,
В разлуках черных погибать.

Не век ходить в лаптастых ситцах,
Роптать на женскую судьбу,
Что триста лет уже томится,
Как черный ворон на дубу.

III

Не звезды хрустальные плачут
Над елками в темном бору,—
Я плачу, а звезды судачат,
Как холодно ждать на ветру.

Мы встретимся вновь на исходе
Хрипящей простуженной тьмы,
Когда отпускают поводья
Хрипящие кони зимы.

И в холод врываясь с разбега,
Здесь будут березы опять
Над зеркалом русского снега
Румяные лица склонять.

И будут созвездия — плавать,
И серые волки — кружить,
А красная девица — плакать,
Но все-таки с молодец жить.

* * *

Все пропадет — и молодость и сила,
Не одного сводящая с ума.
Покинут все меня. Не ты ли, милый,
Средь первых будешь?..

Да и я сама
От вас уйду. Снега моей державы,
Моих степей глухие ковыли
И сильных рек большие переправы
Меня спасут от близости земли
Сырой, отверстой, глинистой...

Печалью

Нас в этом мире вряд ли удивишь.
...Две девочки, две парки за плечами
Прядут, прядут немыслимую тишь.
И им в ответ семь ангелов играют.
И, содрогаясь, слышу я вдали —
Моих любимых ангелы сзывают
На Страшный Суд — со всех концов земли.

* * *

Зацеплю шиповник темным взглядом,
Соловью дорогу уступлю.
Я еще живу с тобою рядом,
Я еще твой час ночной люблю.
Но уже на белом свете знаю,
Черной думой душу тяжеля,
Сильная, горячая, живая
Горбится на кладбище земля.
Дышит ночь, колышет ветер травы,
Пересмешник вторит соловью:
Эта ночь — всего лишь переправа
От большой любви к небытию.

ПИСЬМА

Твои письма придут через век,
Одолеют пространство земное.
Ты был тихий, как мартовский снег,
Ну, а я? Я была молодою.

Я счастливой была на земле,
Я несчастной, наверно, казалась.
...Твои письма лежат на столе —
Как бесстрашно я к ним прикасалась!

* * *

А все же хорошо, что перед веком
Я не юлила ни в одной строке,
Что в жизни с нелюбимым человеком
Ни разу не была накоротке.
И хорошо, что жизнь не без помарки
То написала, что была должна.
...А за скупые, чудные подарки
Я рассчитаюсь на земле сполна.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Эти слова, что взошли на опаре...»	3
В степи	3
«Принеси мне грозу и мучительный зной...»	4
«Словно медом тяжелые соты...»	5
Дорога на родину	5
«Далеко пойдет!»	6
«Переходя из Азии в Европу...»	6
Птица неперелетная	7
«Летя вдоль Мойки, пели сани...»	7
Год рождения послевоенный	8
Судьба	10
«Эту женщину мамой зовут...»	10
Дом	11
Метафоры зимы	11
«Уйду дорогой той, какой уходят...»	12
Огонь	12
«Век кончается страшно и странно...»	13
«Это шмоткам поклоненье...»	14
«Как я завидую своим...»	15
«Тот просит ордена, та, родиной...»	15
Мова	16
Стрела	17
«Когда известные поэты...»	19
«На сердце — тяжесть и бессилье...»	19
«И пахнут снегом молодым глаза...»	20
Встреча	20

«Севастополь. Сирени. Закатом...»	21
«Все пройдет. И снова повторится...»	21
Весна в Крыму	22
«Ты муж на небесах мне...»	23
Обмолвка	23
Ревность	23
Голос сильный	24
«Две раковины, два рапана...»	25
«Не знаю смертельной раны...»	25
Зеркало	25
Голос виноватый	26
«Если разлюбишь меня — скажи...»	26
«Любовь — это двадцать лет разлуки...»	27
«А, собственно, что же такое разлука?...»	27
Из цикла «Старые сказки»	28
«Все пропадет — и молодость и сила...»	29
«Зацеплю шиповник темным взглядом...»	30
Письма	30
«А все же хорошо, что перед веком...»	30

Надежда Васильевна КОНДАКОВА

ПТИЦА НЕПЕРЕЛЕТНАЯ

Стихи

Редактор Ю. С. Новиков

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 04.09.85. Подписано к печати 28.10.85. А 00415.
 Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,59.
 Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 85 000. Изд. № 2892. Зак. № 1468.
 Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва,
 А-137, ул. «Правды», 24.